

Россия. — 2003. — 4 апр. — с. 12

Он и в театре замечателен, и в кино прекрасен

Дина Радбель

Маковецкий стоял на лестнице и курил. Пара ступенек — и зал ресторана «Таврос», где в этот вечер в честь Дня театра собрались его коллеги — театральные актеры бывшего СССР. Из Литвы прилетели Донатас Банионис и Регимантас Адомайтис, Грузию представляла Гурана Габуния, Узбекистан — Бернара Кариева, Азербайджан — Мехрибан Зеки. Среди тех, кто «выступал» от России, — Сергей Маковецкий...

И так как своя рубашка все-таки ближе к телу, для начала я не удержалась, чтобы не задать народному артисту России Сергею Маковецкому несколько театральных вопросов.

— Зрители Советского Союза в большинстве знают вас по кинематографу — и не представляют, насколько вы театральный человек...

— Обидно, если так. Хотя я никогда не разделял эти два вида деятельности. Но говорить о том, что кино мне ближе, — было бы неправильно. Я себя считаю в первую очередь театральным человеком. Потому что таких ролей, что дает мне театр, — в кино пока нет. Коврин в «Черном монахе», Мальволио в «Двенадцатой ночи», Яго в «Отелло», Городничий в «Ревизоре», а какие пьесы Принтера! В кино я играю на одном языке, в театре совсем на другом, но душа и в том и в другом случае работает на пределе. Кино — просто определенный способ существования, очень сложный и правдивый. Но если бы кинозрители, посмотрев все мои работы в театре, сказали бы: «Он и в театре замечателен, и в кино прекрасен, но в театре все-таки лучше...»

— Вы считаете себя актером какого-то конкретного театра, школы?

— Есть разные актерские школы: Станиславского, Михаила Чехова, Вахтангова. О системе Вахтангова я понимаю, что это мое, это мне очень близко. Умение пошутить со зрительным залом в ту секунду, когда он задыхается от слез, — вот в чем выдающаяся, великая система Вахтангова. Но то, чему нас научил Вахтангов, со временем постепенно девальвировалось и превратилось в нечто, определяемое мною как вахтанговщина. Чувствуете разницу между словами — вахтанговское и вахтанговщина... Но эти вопросы пусть обсуждают театроведы. Мое место — сцена, родной театр — театр Вахтангова.

— Михаил Ульянов на открытии сезона сказал, что театр Вахтангова нуждается в обновлении...

— Когда Ульянов говорил о том, что театр нуждается в обновлении, он подразумевал прилив новой режиссерской силы. Но театр и не может быть одним и тем же на протяжении многих лет. Он обновляется в лучшую и даже в худшую сторону с каждым днем, потому что театр — это не то, что было, и не то, что будет. Театр — это то, что есть в данную минуту. В семь часов вечера открывается занавес и начинается спектакль — и он определяет уровень сегодняшнего театра. Ульянов заботится о том, чтобы в театр приходили интересные режиссеры, а если они будут — будут и спектакли. Когда режиссер Римас Туминас ставил «Ревизора» (я сыграл Городничего), он открыл мне глаза на классический гоголевский текст, на который я просто, может быть, не обращал внимания. И получился невероятно глубокий спектакль, я очень



благодарен режиссеру. Да, это уже другой театр, театр современный, требующий виртуозной актерской техники, нового актерского языка.

— Вы работали и работаете с известными театральными режиссерами — Виктюком, Фоменко, Мирзоевым... Вы могли бы пойти за новичком?

— Как раз сейчас я репетирую роль Тригорина в «Чайке», а над спектаклем работает мой брат по цеху — актер Павел Сафонов. Это наш молодой актер, который неожиданно стал режиссером. Попробовал себя в капустниках, потом поставил со

студентами в училище Щепкина спектакль «Прекрасные люди» по тургеневскому «Месяцу в деревне». И вот 17 апреля у нас премьера «Чайки». В спектакле играют и Максакова, и Шалевич, и Епифанова...

— В театре уживаются актеры разных поколений, всегда ли бесконфликтно?

— Столкновения неизбежны: ведь у каждого свое ощущение вахтанговского и каждый за него пытается бороться. Иногда на художественных советах мы ломаем копыя...

Интервью с Регимантасом Адомайтисом и Гураной Габуния читайте во вторник